

САМАНТА
СОТТО ЯМБАО

Луна
на воде

Лусий
Лес

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

С67

Samantha Sotto Yambao

Water Moon

Copyright © 2025 by Marina Samantha Sotto Yambao.

All rights reserved.

Перевод М. Юркан под редакцией И. Корягиной

Иллюстрация на суперобложке и переплете *peachy*

Иллюстрация на обороте суперобложки и форзацах

Д. Кутовой (DAFNA)

Сотто Ямбао, Саманта.

С67 Луна на воде / Саманта Сотто Ямбао ; [перевод с английского М. Юркан]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-225629-5

На одной из улочек Токио притаился уютный ресторанчик, в котором избранным дано увидеть магический ломбард. Сюда приходят отчаявшиеся, желающие изменить свою жизнь. Сделать это просто: нужно всего лишь заложить... выбор. Событие из прошлого, которое изменило судьбу.

Хана, перенявшая семейное дело, в первый же рабочий день обнаруживает, что ломбард разгромлен, а отец пропал. Совсем скоро приверженцы судьбы, Шиикунин, придут за заложенными выборами, но одного не хватает! Да к тому же на пороге появляется очередной клиент! Только очаровательный незнакомец не похож на других посетителей: он предлагает помощь, а не просит о ней.

Вместе им предстоит совершить путешествие по волшебному миру: пройтись по дождевым лужам, прокатиться на бумажных журавликах, пересечь мост между полночью и утром и найти ночной рынок в облаках... Но сможет ли Хана вернуть потерянное? Ведь все, что у нее есть, — два дня, отсутствие зацепок... и теплота, которой она ранее не знала.

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

ISBN 978-5-04-225629-5

© Юркан М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Для всех, кто ищет новое начало

落花枝に帰らず
破鏡再び照らさず

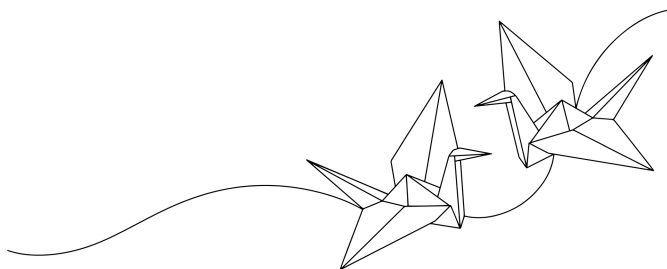
ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

—
*Раз сорвавшийся
с ветки цветок
не вернется
на ветку.*

*Треснувшее зеркало
не засияет вновь¹.*

¹ Идиоматическое выражение, обозначающее «по пролитому молоку не плачут», «что сделано, то сделано».

ГЛАВА ОДИН

Ломбард «почти» и «если»

Время не имеет границ, кроме тех, что создают люди. В этот на редкость холодный осенний день Исикава Хана создала такую границу из тончайшего слоя кожи. Для этого вполне подошли веки. Ведь пока она держала свои веки закрытыми, то могла удерживать в разных временах две половины своей жизни: двадцать один год, прожитый ею до того, как она откроет глаза, и все, что должно произойти дальше.

Она натянула одеяло на голову и притворилась, что ее первое похмельное утро в качестве новой владелицы ломбарда еще не началось. Не имело значения, что она уже бодрствовала и последние, уже забытые обрывки снов улетучились из ее сознания более часа назад. Она чувствовала, что ее голова тяжелее и рот суше обычного, но поняла, что виновато в этом не столько количество выпитого вечером алкоголя, сколько то, что ожидало ее сегодня.

Через несколько мгновений ее отец Тошио постучит в ее дверь, и их новый день начнется.

Хана упорно цеплялась за крошечную надежду, что неразумное количество саке, с которым они отпраздновали его выход на пенсию, могло удержать

его в постели немного дольше. Эта надежда, если ее вообще можно назвать надеждой с учетом размера, была меньше гальки из заболоченного ручья и такой же скользкой.

За все годы работы Тошио ломбард не открылся вовремя всего два раза. В те дни он не открылся вовсе. Но Хана с отцом не говорили о тех двух днях. Никогда.

Если бы их ломбард не отличался от обычных ломбардов, где принимали бриллианты, серебро и золото, то семья Исикава, на протяжении многих поколений управлявшая им, могла бы позволить себе роскошь больничных и выходных дней. Но Тошио научил Хану ценить гораздо более драгоценные сокровища.

Они обретали своих лучших клиентов в конце лета, когда ночи становились холоднее и длиннее. Меланхолия способствовала их бизнесу. Не имело значения, что их скромное заведение на тихой токийской улочке квартала Асакуса¹ даже не имело названия. Те, кто нуждался в их услугах, неизменно умудрялись найти их. Но если у кого-то из клиентов хватало любопытства, чтобы спросить Хану, как, по ее мнению, мог бы называться их ломбард, то над ответом она не задумывалась. Икигаи².

¹ Квартал Асакуса расположен на северо-восточной окраине центральной части Токио, в так называемом нижнем городе.

² Икигаи (*яп.* 生き甲斐, «смысл жизни») — японское понятие, означающее ощущение собственного предназначения в жизни; икигаи может представлять собой хобби, профессию или семью. Икигаи — философия, помогающая находить удовлетворение, радость и осознанность во всех повседневных делах и способствующая долголетию. Благодаря икигаи человек учится приводить в порядок мысли, замечать

Хане было чуть больше года, когда она научилась ходить по темным деревянным полам ломбарда, и с тех пор каждый сделанный шаг вел ее к тому дню, когда она унаследует от ушедшего на покой отца их заведение. Он жил вдовцом, и она была его единственной наследницей. Ломбард стал ее жизненной стезей, единственной в жизни целью. Ее Икигаи. Но ни разу за все то время, что она малышкой ползала у ног отца или девушкой помогала ему в зале, никто из клиентов не поинтересовался, как называется их ломбард. Когда Тошио встречал клиентов у входа вежливым поклоном, в глубине их глаз метались более насущные вопросы. Перво-наперво они обычно спрашивали, где они оказались, а потом — как они сюда попали.

В конце концов никто не ожидал обнаружить ломбард за дверью лапшичной.

Любой, кто стоял в очереди в этот издавна популярный ресторан, скажет вам, что там подают лучший сёю-рамен¹ во всей префектуре Тайто². Для кого-то струящийся аромат дымящихся тарелок с лапшой тидзирэмэн³ и идеально тушенными ломтиками свинины, плавающими в темном и наваристом костном бульоне, облегчал ожидание. Для других время, про-

красоту окружающего мира и радоваться мелочам, обретая гармонию и душевный покой.

¹ Сёю-рамен (Shoyu Ramen) — вид японского рамена, в основе бульона и заправки которого соевый соус.

² Тайто — один из двадцати трех специальных районов Токио, расположенный на северо-западе.

³ Тидзирэмэн — рамен с «волнистой, кудрявой или вьющейся» лапшой. Часть тидзирэ от глагола «тидзирэру» — «витья, завиваться». Говорят, что благодаря «завивке» в ней лучше удерживается бульон.

веденное в очереди, тянулось будто бы вдвое дольше. Тем не менее все они глубоко вдыхали, наполняясь предвкушением от витающего в воздухе аромата, пока не придет их очередь войти в тесный зал ресторана, который мог бы считаться современным пару десятилетий назад. Пожелтевшие стены, увешанные фотографиями знаменитых клиентов с автографами, побуждали новых посетителей прокладывать путь в лабиринте столиков, выискивая пустые места. Однако, даже переступив порог, часть голодающих не попадала в зал ресторана. Вместо этого их приветствовали тускло освещенный зал ломбарда и позвякивание его медного дверного колокольчика.

Воспоминание о звякающем колокольчике как раз зазвучало в голове Ханы, еще уютно свернувшейся под одеялом. Звон призывал ее подняться и смириться с неизбежным. Зажав ладонями уши, Хана тщетно пыталась заглушить этот звук в голове, надеясь оттянуть время подъема. Мысленно она уже почти оделась и застегивала последние пуговицы на своей чистой отглаженной черной униформе. А отчасти мысленно она уже даже спустилась на первый этаж и вошла в зал, представляя, как ее отец собирается провести первый день своей пенсии: как он топчется около дочери, дважды проверяя все, что она делает.

Он ничего не скажет, если заметит ее оплошность, как не говорил никогда. Ей хватало легчайшего поднятия его правой брови. Тошио предпочитал общаться с ней мимикой, а не словами, сберегая силы и голосовые связки для клиентов. Хана уже вполне освоила толкования его спокойного дыхания, полуулыбок и взглядов. Лишь однажды в грозовой день он потерял самообладание, когда она в свои десять лет забы-

ла, куда положила заложенные старинные часы. Его глаза стали темнее туч, клубившихся над внутренним садиком их дома, когда он обхватил ее узкие плечи и приблизил губы к уху. Ее душа тогда от страха ушла в пятки. Его голос напоминал шелест ветра, но слова взвыли внутри Ханы громче, чем любой тайфун.

«Найди их».

«Сейчас же!»

Хана не представляла, что могло бы случиться, если бы она не нашла их позже в тот же день за стопкой книг в задней комнате. Она четко осознала лишь одно: ей хочется никогда больше не слышать такого шепота от отца.

Судорожно вздохнув, Хана мысленно вернулась в реальность. Незримая тяжесть навалилась на ее грудь. Она ожидала, что ее будущее будет ощущаться тяжелым, по крайней мере, тяжелее откормленного кота. Но вместо этого гора дней, покачивающихся на ее груди, ощущалась грудой ореховых скорлупок, каждая из которых была опустошена и растрачена еще до своего начала. Хана досконально знала каждую секунду этих грядущих дней, ведь всю свою жизнь она наблюдала, как их проживает ее отец. А теперь жизнь отца стала ее жизнью, и отныне ничего нового у нее не будет.

Она повернулась на бок. Из-под подушки выглянул краешек пожелтевшей фотографии. Хана вытащила потускневший снимок и, не вылезая из-под одеяла, пристально взглянула на него. С фотографии на нее смотрели глаза молодой женщины, которая вполне могла быть ее двойняшкой.

— Доброе утро, Окаа-сан, — приветствовала Хана мать, которую никогда не знала, и спрятала фото обратно.

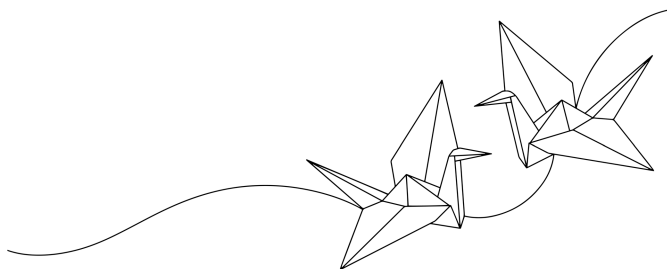
Откинув одеяло, она глянула сквозь темные ресницы. Лучик солнца пробился к ее радужкам. Зажмурившись, она вскочила с кровати. Ей не требовалось зрение, чтобы ориентироваться в своей спальне: эта комната и ломбард под ней составляли весь ее мир, и сегодня этот мир казался даже меньше.

И тише.

Хана склонила голову набок, пытаясь услышать знакомый перестук чашек и мисок из кухни внизу, но через дверь ее спальни просачивалась лишь тишина. Она прикусила нижнюю губу.

Она не сомневалась, что выхода на пенсию недостаточно, чтобы удержать такого человека, как Тошио, от его ежедневных ритуалов. Хотя отец поклонялся домашним духам, содержа в порядке алтарь, истинным богом, коего почитал отец, оставался порядок. Сколько бы sake или виски ни плескалось в нем после вечерних возлияний, утренняя чашка горячего и ароматного зеленого чая оставалась священным ритуалом.

Хана прижала ухо к двери. Было только две возможных причины тишины в ломбарде, и ни одна из них не сулила ничего хорошего.

ГЛАВА ДВА

Последний клиент Исикавы Тошио

❖ *Днем раньше*

Осень наступила рано, и с ее наступлением число клиентов ломбарда удвоилось.

Тошио поменял позу, облегчив давление своего веса на бурситную шишку большого пальца левой ноги. Его живот проурчал дважды в недрах форменного черного костюма. Не обращая внимания на урчание, Тошио спокойно поправил галстук. Не первый день работа не позволяла ему пообедать, но сегодня это происходит в последний раз. Меньше чем через час, когда они закроют свою лавку, он официально объявит об уходе на пенсию и никогда больше не станет пропускать обед. Он полагал, что эта мысль вызовет у него улыбку, но уголки его рта отказывались хоть чуть-чуть приподняться. Звякнул медный колокольчик, возвестив о появлении последнего клиента.

— *Irasshaimase*¹, — поклонившись с заученной улыбкой, произнес Тошио мягким, как теплое саке, голосом.

¹ Добро пожаловать! (*яп.*) — традиционное приветствие продавца клиенту.